

Tul_05_011

20.07.2005., г. Тульчин.

Инф.: **Вовчок Степан Григорьевич**, 1918 г.р., род. г.; **Пристайчук**

Анна Михеевна, 1920 г.р.

Соб.: А. Кушкова, С. Николаева

19-20.07.2005 г.

АК – А. Кушкова, СН – С. Николаева, АМ – Анна Михеевна

Пристайчук, СГ – Степан Григорьевич Вовчок.

См. также подробную опись первой части интервью (сторона В(1))

А. Кушковой.

Сторона В (1)

СГ: Это называется «Тайная вечеря»

АК: Ага.

СГ: Ага, так вот, тут сидят за столом. Такая она, я даже не знаю, что такое.

АК: Они в каком-то особом порядке сидят?

СГ: Да, тут за столом. А вот с этого, это Иуда, который продал Господа.

АК: Вот справа вот этот, да?

СГ: Вот этот, вот этот, да. Вот этот, да. Тот, предал Христа.

АК: А вот почему они все с бородами, а вот этот без бороды?

СГ: А?

АК: А почему он без бороды-то вот этот? Справа-то который?

СГ: Без чёго?

АК: Без бороды.

СГ: А! Они молодые, совсим молодые.

АК: А у всех есть, видите, у всех есть борода, а у этого нету?

СГ: А це, це самый ближний был, от Господа. Це молодэнький. А другие, а в цю сторону – это у всех. А это самый близкий, по... по учению, за то... за то очень любил. А это вот это, вот это... То Божия Матерь, а там, значит, из неба...ангел снизойдет, вот.

АК: Угу, Благовещение. Это самое главное.

СГ: Ага, Благовещение.

АК: А почему у нее чаша в руках?

СГ: А?

АК: А почему чаша-то в руках?

СГ: Чаша? Она была замучена. Она была христианка, а язычники заставляли, чтобы языческую веру. А она нет, и ее замучили. Потом она прославилась. Она же там больных лечила.

АК: А! Она целительница, да?

СГ: А?

АК: Целительница?

СГ: Да. А это...вот маленькая, архистратиг Михаил, он сам и все силы небесные. А это Дмитрий Солунский...

АК: Угу.

СГ: ...тоже великий мученик, мучили его. А это... це Божья Матерь, а это, это...

АК: Скорбящая, да? Вы говорили: «Скорбящая»? С грошиками, с грошиками, вот там грошики.

СГ: А да...

АК: Так а Вы здесь тоже после войны уже, да же вот? Вот сюда уже приехали в Тульчин, да? После Омска?

СГ: После войны уже, после войны. После того, как меня вызвали. З Омска приехали уже, сюда приехали, потому что там уже начали, начали...нас уже. Это ужасное, это было такое горе... С матерью отправился... Я уже хочу домой, к себе на Украину.

АК: А вот Вы когда приехали, здесь много евреев было?

СГ: Много...

АК: Да?

СГ: Много, да. Це то вси вот эти сосиди – там евреи были. И потом постепенно, постепенно кто поужжали, поумирали, поумирали...Большинство поумирали.

АК: А тут же, говорят, концлагерь был где-то?

СГ: Концлагерь был в...

АК: «Печора» вроде как-то назывался?

СГ: Печора была самыи был концлагерь. А был в Мариуполе...

АК: В Мариуполе.

СГ: ...там было семнадцать тысяч.

АК: Убито?

СГ: Нет, в лагэри.

АК: А...

СГ: И я оттуда бежал, потому что немцы приезжали в лагерь и брали, чтобы на работу, на, на пошту. Там была пошта, и туда привозили, они загружали, выгружали, (нрзб.) идите в город, найдете кирпича и постарайтесь сделать грубу – бо зима будет. Ну они это собрали, послали за кирпичом в город, а мы пошли кто куда, и я пошел домой.

АК: Убежали то есть?

СГ: Убежали.

АК: А то есть вот война началась Вы сразу не пошли в армию, да?

СГ: А?

АК: Вот когда в сорок первом-то Вы в армию не пошли сразу, да?

СГ: Нет. Я продолжал работал, и оттуда перевозил (нрзб.)

АК: Ну ясно, понятно. Так а вот, говорят, что евреев особо убивали как-то очень немцы-то? Что евреев хотели всех убить – это правда, да?

СГ: Да. На самом деле произошло.

АК: А почему они хотели именно евреев убить, а не украинцев там, не русских?

СГ: Почему? Ну, потому что они евреи на всех грехах, они Христа не признавали.

АК: Ну, это да, но почему немцы-то против них так были? Из-за христианства?

СГ: Ну...э...

АК: То есть немцам не нравилось, что евреи во Христа не верят, да?

СГ: Да.

АК: А-а...

СГ: ...я наверное надоел...

АК: Нет-нет, все очень хорошо, Вы так рассказываете интересно. А вот у Вас были соседи-евреи после войны?

СГ: Да-да?

АК: Соседи-евреи были после войны? Вот в сорок пятом году, после войны, вот, соседи, сусиды Ваши – были евреи? Евреи – соседи?

СГ: Да.

АК: Да?

СГ: Но у нас Холодовка была...

АК: Холодовка – ага.

СГ: Как было тяжело. Це сталинская эпоха

АК: Угу.

СГ: Це перемэшали все. А и... А потом уже евреи, евреи было большинство...

АК: А где они молились? Вот у них был какой-то дом, вот как у нас церковь, вот у них был какой-то дом, где они молились? Евреи?

СГ: Где молились, да?

АК: Да.

СГ: Церковь була.

АК: А у евреев?

СГ: Евреи... молитвенный дом.

АК: Дома? Молитвенный дом, да?

СГ: Молитвенный дом в городе. Молитвенный дом.

АК: А-а... Здесь, а где он был?

СГ: А, его уже нэма.

АК: А был где?

СГ: Ну, тут в Тульчине молитвенный дом у них был.

АК: Здесь? В центре где-нибудь?

СГ: В центре, да. А потом уже... а потом... Сталин уничтожил православную веру.

АК: Сталин?

СГ: Да. Ише была... церкви закрывать, священники высылать в ссылку, а в войну Сталин попустил...

АК: Попустил, да?

СГ: Попустил, да. Стали... стали свободно. А до войны уже о-о... це... история була... а-а...

АК: А почему, Вы думаете, в войну попустил?

СГ: А?

АК: А почему попустил в войну? Вот Вы говорите: «Сталин попустил в войну», да? Церкви открылись, некоторые?

СГ: Угу.

АК: А почему именно в войну? Как это вот объяснить?

СГ: А, объяснял он, потому что он видел, что плохо сам сделал. И дал поощрение, ослабление то есть. И это... (нрзб.) ...

АК: А потом снова, после войны, да, начал гнать, да?

СГ: А... а потом погонэ... а за войну попустил, дал послабление...

Сталин...

АК: А при Хрущове хорошо...? Лучше было церкви, при Хрущове?

СГ: При Хрущове церкви лучше было, конечно...

АК: И работала церковь, да, в городе какая-то?

СГ: Да.

АК: Вот, вот эта, да? Она где-то тут рядом?

СГ: Ага.

АК: Вот, вот тут вот где-то, да, рядом церковь?

СГ: Да.

АК: Одна только была или две?

СГ: А?

АК: Одна только была в городе или две?

СГ: Две.

АК: Две.

СГ: Одна называлась собор, а другая малая церковь. Проезжаешь там (?), тоже крестишься...

АК: А кулич и пасху делали?

СГ: А как же? Делали, да... Це ж торжество было...

АК: А угощали вот куличом соседей, если они, например, не христиане? Вот евреев, например, вот угощали куличом?

СГ: Если они не... Они против христианства же были... Он предатель, предал Господа... По ним...

АК: Ну, а Христос-то вот он кто по национальности был?

СГ: По национальности был еврей...

АК: А-а...

СГ: ...это у... по национальности, а родился, родился... Его родила Божья мать...

АК: Угу. Так она тоже еврейка, да, была?

СГ: Ага. Она..., она была... она еврейка. А уже родился, а от нее родился Христос... Сын Божий родился от Божией матери. И торжество было по всем свети.

АК: Так а что же вот, если Христос – еврей, то почему же его евреи так не любят?

СГ: А потому что они..., як Вам сказать... Господь на них... Вот Божия мать, да?

АК: Угу.

СГ: Известно шо, народили... придет Бог на землю... И Вин пришов, и тогда звезда на небе...

АК: Звезда на небе, ага.

СГ: Да. Вона сияла во всем мире светила, а вони нэ вэрилы. А оны нэ вэрилы. Они все: «Не знаем, откуда Он?». А все тоже... меж них родився..., ну воны ж нэ верилы...

АК: А-а, это евреи сказали, что Он между них родился?

СГ: Да.

АК: Ага.

СГ: А ведь не простой человек вродився, а Божий человек вродився... И це ангел сошел с неба возвещать...

АК: Ангел сошел с неба возвещать... Это вот...

СГ: Ангел возвестив, шо Сын Божий вродився, а вона приняла Его.

АК: А она приняла, да, Его, ага.

СГ: ...и Мельхидесек звезда возвещала...

АК: Звезда возвещала... А то есть евреи просто не поверили, что Он – Божий сын?

СГ: Да, да, да.

АК: Ну, а люди они хорошие были, евреи? Вот сами просто, в жизни?

СГ: Ничего, ниче...

АК: А помните кого-нибудь, вот по имени, например?

СГ: Нет. Все евреи (нрзб.)

АК: Нет, я имею в виду из соседей еврейских, вот, помните кого-нибудь по имени?

СГ: А...

АК: Соседей еврейских помните кого-нибудь по имени?

СГ: Ну, як же... Мы ж вместе жили...

АК: Вот.

СГ: Как-то евреи...евреи поставить свою синагогу, церковь...

АК: А, синагога, вот ага...

СГ: Они верилы, шо Бог на небесах... Там е... А не знали, шо... Сказали: «Знаете и не знаете, это Сын Божий воплотился и... Это Господь...».

АК: А дружно жили вот украинцы и евреи или ссорились там?

СГ: М-м... Просто, як националисты, они свое, а це – свое, церкву, все. И весь народ пошел в православную веру.

АК: В православную?

СГ: Да.

АК: Весь народ прошел?

СГ: Очистилися и построили церковь...

АК: Построили церковь... То есть только православные и евреи, и больше никого, да? Кроме них?

СГ: (нрзб.)

АК: Ага, ага, в своей вере. Да. А вот как живут у право..., у христиан-то вот тоже католики-то есть... в Польше, вот, католики-то... Они такие же как православные?

СГ: Не-е... Польше, в Польше они верующие...

АК: Во Христа веруют...

СГ: И еще, еще оне... Это самозванцы.

АК: Самозванцы, да?

СГ: Они говорят, что сам Бог, послал духа своего и вот это (нрзб.) Божий сын...

АК: Ага, Бог послал Духа своего Божьей Матери и назвался Божий Сын. Самозванцы, да?

СГ: Самозванцы (*смеется*).

АК: Ну, понятно. А вот тор..., тор..., чем занимались евреи? Они там сажали что-то или выращивали? Чем занимались?

СГ: Нет, они не занимались ничем.

АК: Они не занимались ничем?

СГ: Нет, нет. Они, как это, что-нибудь работать... А полем не занимались...

АК: Так а чем тогда занимались?

СГ: Ну, начали приспособливаться на производство...

АК: Начали приспособливаться на производство...

СГ: ...да, а в земледелии это никак... не участвовали...

АК: Нет? Не участвовали, да?

СГ: Нет.

АК: А вот торговлей занимались?

СГ: Чем?

АК: Торговлей?

СГ: Это, это дело его...

АК: Это дело их, да?

СГ: Да...

АК: Они честно торговали? Честно?

СГ: Ну, а шо ж...не было никакого притеснения, ни..., они честно продавали.

АК: Никакого притеснения, да? А язык вот у них? Вы слышали когда-нибудь, как они на своем языке говорят?

СГ: Ну, конечно. Соседи-то я не знаю, они между собой по-своему, а с нами уже по-нашему говорят.

АК: А, то есть они с вами по-украински говорят?

СГ: Да.

АК: Угу. А вот красивый у них...?

СГ: Это уже назывывается, як, насьоналисты...

АК: Как?

СГ: Насьоналисты.

АК: А, националисты, ага, ага.

СГ: ...шо государство свое (нрзб.)

АК: А вот язык у них, если просто слушать, красивый или некрасивый был? Певучий?

СГ: Не, нет. Певучий у них это... Отчетливо, отчетливый, а они а ла-ла-ла...

АК: «А-ла-ла-ла», да? Ничего не понятно. А польский язык? Вот Вы слышали польский язык, наверное? Вот Вам нравится?

СГ: Они немножко жестокие...

АК: А-а...

СГ: ...токо свое все, они в Христа верят, тильки по-своему...

АК: По-своему, да... А какой Вам больше нравится язык: русский или украинский?

СГ: А, язык, язык... Русский повсем, а украинский – диалект... А церковь всю жизнь знала русско-славянский язык. В русско-славянском языке все напечатано, все, вся история, вся...

АК: А вот просто слушать Вам какой язык больше нравится на слух? Русский или украинский?

СГ: Русский...

АК: Русский больше, да?

СГ: Русско-славянский язык.

АК: А, русско-славянский язык, церковнославянский.

СГ: Церковнославянский. А, это все это снято, все печатывать, вся история... (нрзб.) и всю историю написали... русско-славянский язык.

АК: Русско-славянский? Это вот уже апостолы на русско-славянском уже писали?

СГ: Да, на..., да-да... Потому что у ... (нрзб.)

АК: Ударение там, да?

СГ: Да, да. А тоже русско-славянский язык.

АК: Красивый, да, очень?

СГ: Ага. И легкий.

АК: И легкий?

СГ: Ага...

АК: А Вас тоже родители учили, да? Этому всему?

СГ: Да-а, родители... А це було уже у матери пятеро...

АК: Пятеро, да?

СГ: Да...

АК: А кто-нибудь еще жив у Вас? А-а, ну, да... Я имею в виду братьев и сестер тоже уже нету?

СГ: Никого нема, все помэрли...

АК: А племянники? У них-то дети, может, были?

СГ: Ну, это... цей свободный язык...

АК: Свободный язык?

СГ: Да, кому хотит, и русский язык, и русско-славянский язык...

АК: А вот Вы слышали про такое «суржик»? Вот «суржик» - говорят так?

СГ: Я не слыхал про... про такое... Я сво... а в церкви едино – русско-славянско...

АК: Понятно. Нет, а суржик – это про язык говорится. Вот кто-то на украинском говорит, кто-то на русском, а кто-то на суржик. Вот не слышали про такое Вы?

СГ: А в общем, не... не... не было такое... истории не...

АК: Не было, да? Мне вот рассказали, что если человек не чисто на русском говорит, не чисто на украинском, а вот так, смесь такую мешает, то вот это вроде суржик называется, вот? Не слышали такого? Нет, да?

СГ: Русско-славянский язык называется... и...тоже националист какой...

АК: А Библию вы читаете?

СГ: Читать – почти уже не читаю, потому что и голова, и все, а я покажу...

АК: Это книжки, да?

СГ: Да. Здесь и песни е, и все, все, что на свете... Вон, вон Библия.

АК: Ух ты, какая! Красивая, в бархатном переплете. Это Вам от папы досталось, да?

СГ: Ну, как попали?

АК: А это Триодь?

СГ: Триоди праздничные, что происходило раньше.

АК: (*читает по книге*) Вера есть скудости житие. Давайте я достану. Вот это Библия, наверное...

СГ: Нет, да, вот Евангелие. Вот, вот, Библия, во...

АК: Ага. Это Вы их уже переплетали, да? Сами переплетали, наверное, да?

СГ: Нет, не сами, так...

АК: Нет? Так и было, да?

СГ: Нет, это давность все, давнее, Библия описывает все, всю историю...

АК: М-м, угу, да-да, да... А тут начала нету. Видите, первых глав нету.

СГ: Здеся, здесь, (нрзб.) писали Библия.

АК: А вот на такой вот, а вот такую Вы можете читать? Сейчас я покажу... Ой, извините. А вот такой, так можете читать на этом вот языке?

СГ: Ага, древнеславянский...

АК: А Вы можете читать в принципе, да?

СГ: Да, свободно. Це шо, я не бачу.

АК: (*читает*) «Придосте пределы плотские страдальцы многием терпением претерпевше муки и болезни. Тем же всякую болезнь исход облегчае, яко спевающих тьмы (*поправляется*) тьмам ангелы воинство совокупися святых страсотерпщев и молитв Его всеблагото Бога согрешает малочисленных нас избавити, яко Христу угодивши». Да, я тоже могу. Хорошо. А это чего?

СГ: А это стих. Стихи это, стихотворения. Стихи, они пели.

АК: (*читает*)

Пред иконой святой я затеплю свечу,
Отпущенья грехов я молиться начну,
Твой божественный лик на иконе святой
Всем прощение шлет и любовь, и покой.

А это тоже в старой орфографии написано, вот так вот сейчас ведь не пишут эту букву-то?

А что это за..., это Вы сами написали, да, стихи? Это Ваши стихи?

СГ: А-а, мы спивалы.

АК: А-а, это Вы просто пели.

СГ: А, ведь, это ведь тоже... Я тоже писал их...

АК: Так а кто автор-то у этих стихов?

СГ: Это уже давнее дело...

АК: А-а...

СГ: Вот я найду. Мы лично(?) пели...

Пауза

АК: Скажите, а вот это вот когда вы пели? Это вот вы дома собирались и пели?

СГ: Ага, щас подожди, подожди. Это я сам писал...

АК: Это Вы сами писали? Это Вы..., Ваши стихи? Сочиняли Вы, да?

СГ: Не, не... не сочиняли. Переписывали.

АК: А-а... И тоже такая же тетрабочка была, и Вы просто себе все переписали, да? А чья это тетрабочка была, с которой Вы переписывали?

СГ: Я не помню. Це не тетрабочка, це была книжка ...

АК: Ага, книжка.

СГ: Книжка, да. А стихи оттуда переписывали...

АК: А это еще до войны Вы пели, да?

СГ: А?

АК: До войны еще пели?

СГ: Да, до войны.

АК: А где? Вот просто в церкви... из церкви приходили и дома пели, да?

СГ: Да. В церкви пели, и с церкви приходили пели.

АК: В семье вот просто, да? Семей садилась и пели, да?

СГ: Ага. Да.

АК: А тут же стихи, тут их как бы не петь, а просто читать нужно, да?

СГ: Не, пели, пели все, пели.

АК: Пели все, да?

СГ: Ага, ага. Она, она... была ведущими... пела.

АК: Это вот Анна-то Михайловна, да?

СГ: Ага.

АК: Угу. То есть это где-то вот в тридцатых годах, да, Вы переписали? И..., или, или потом уже?

СГ: Не, нет. Пораньше.

АК: Еще раньше?

СГ: Да. До войны еще?

АК: Так а тридцатые годы – это ж до войны?

СГ: А, (нрзб.).

АК: А, давайте.

(пауза)Интервью продолжается с АМ

АМ: ...а вообще я пела добрэ. Я пела первым.

АК: А, Вы пели, да? Угу. Высоким, да, голосом?

АМ: Да. А сейчас я петь не умею.

АК: А вот Вы скажите, это вот когда, в какие годы тетрадочку написали вот эту? Это до войны еще?

АМ: А, это до войны.

АК: До войны, да?

АМ: Да, да-да. Якись (нрзб.) написали.

АК: А вот переписывали, вот Степан Григорьевич говорит, переписывали с какой-то другой книжки, да?

АМ: Да.

АК: ...и вот сюда. А вот это дома пели или где-то вот специально собирались?

АМ: Ну, где приходилось. Вот идэм, дорогою идэм, где два, где три-четыре, все идэм, шо-нибудь споем.

АК: А, по дороге просто?

АМ: Ну, где приходилось.

АК: А у многих были такие тетрадочки?

АМ: Много. Кто соби таки писал.

СГ: Вот здесь есть даже про Иоанна Кронштадтского.

АК: Про Иоанна Кронштадтского, конечно.

СГ: Хочу прийти на покаянье...

АМ: Была така псальма. Я про...

СГ: Хочу прийти на покаянье, нет...

АМ: *(пробует напеть)*: Закатилось солнце красное и покрылося небо тучами...

Як Иван Кронштадтский помер... А туды Вы в его собор, вот бы Вы зайшли, вот, навэрно, про него поется и читается. А Вы нэ ходыте?

АК: Я была там в его соборе, да, была. На речке Карповке, в Питере.

СГ: Да, да-да.

АМ: Да-да. А я была (нрзб.) похоронен пид собором. А там маши... машины, шо це яки были, там вона тыр-тыр-тыр-тыр, це машина. А собор закрытый был.

АК: А сейчас открытый. Сейчас открытый.

АМ: Сейчас закрытый?

АК: Открытый, открытый. Пожалуйста.

АМ: А в ем на церкви батюшка, вин минэ рассказывал, шо вин там был. А так... А ты его бачил? Нэ, вин под спудом.

АК: Под спудом?

АМ: Да. Ну а туды ж там. Повторэ: «Он под спудом там». Да. А колы еще при Сталине...

СГ: Да то не нужно...

АМ: ...его хотели выкинуть. И пришла... А там колы строився, то (нрзб.) про Ивана Кронштадтского... вин строився. И як так сказав, як же...ой?

СГ: Приди на покаяние...

АМ: Як же, цей шо строил... Ну, як же...?

АК: Архитектор?

АМ: А?

АК: Архитектор?

АМ: Да. Цей архитектор... И..., цей... Иван Кронштадтский ему сказал: «Ты тут сделай мне погроб (?), шо я там похоронен был».

СГ: (нрзб.) «Приди на покаяние». Спевай...«Приди на покаяние».

АМ: А?

СГ: Поспевай.

АМ: Шо?

СГ: «Приди на покаяние».

(пауза)

АМ: Блохи – знаете?

АК: Слышала, но не видела.

АМ: Слышали? А у нас вони е. (нрзб.) Надо шо-то такое заказать, побрызгать...

АК: Да. Можно. А есть такое в Тульчине, да? Можно заказать?

АМ: Е.

АК: Хорошо.

АМ: Дихлофос называется.

АК: А, точно. Дихлофос. Я слышала об этом. Мы вам тут гостинцы небольшие принесли.

АМ: Ой, не надо нам ничего.

АК: А чаю-то... К чаю. Они мягкие. Мы специально помягче выбирали. Это зефир и чай.

АМ: Шо-шо?

АК: Зефир, знаете, такой мягкий, сладкий. Вот. Это что, пробки выбило, да?

АМ: Нет. На станции еще там исправляют. Временно отключали. Это об..., а шо там? (спрашивает про записи и блокнот собирателя)

СН: А вот там как раз то, что мы переписывали.

СГ: У нас е очень много, магнитофон... этих... Там очень много...

АК: Магнитофон?

АМ: Мы сами напели.

АК: Вы сами напели?

АМ: Да.

СГ: Ну, не знаю уже... Я не снимал (нрзб.)

АК: А там кассеты, да? Кассетки внутри?

АМ: Да. Мы его справляты... Ну мы его не... (нрзб.) А у вас нема магнитофон?

АК: Есть, у нас маленькие.

АМ: А... Не, я маю виду, шо там е, вы, може, справитесь?

СГ: У нас большой.

АК: Ну, вот у нас главное, чтобы кассетка была. А вот у нас вот такой диктофон, и вот он вставляется туда и можно слушать.

АМ: Тут это та, ясно.

(пауза. АК показывает как вставляется кассета в диктофон.)

АК: Да, да, есть большие. Они разных размеров. Давайте потом.

АМ: Ну, потом.

СГ: Потом. Да.

АМ: Вин... Таких много... Батарейки...

АК: Да, да, вот у меня тоже батарейки тут маленькие. А что Вы читаете?

АМ: Акафист – знаете, что такое?

АК: Да, акафист.

АМ: Сегодня - среда?

АК: Да.

АМ: Так сегодня... це книжечка така, шо на целую неделю.

АК: Угу.

АМ: Понедельник – архистратигу...

АК: Понедельник – архистратигу, да...

АМ: Вторник – Иоанну Предтече...

АК: Вторник – Иоанну Предтече, ага...

АМ: Середу – Спасителю.

АК: Угу.

АМ: Четверг – Николаю...

АК: Николаю, да...

АМ: В п'ятницу – страстям...

АК: Пятницу – страстям...

АМ: Субботу – Божьей Матери...

АК: В субботу – Божьей Матери...

АМ: Воскресенье – воскресению. Это на каждый день тут, це акафист.

АК: И Вы каждый день читаете, да?

АМ: А шо я сижу, шо мне не прочитаты... А мий тата покойный на поле работал и каждое утро читал цей акафист и одну кафизму Псалтиря.

АК: То есть вот он до того, как пойти работать, он каждый день акафист читал?

АМ: Читал. И помолился моли... утреню, и читал акафист и кафизму Псалтиря.

АК: Кафизму, да, Псалтиря.

АМ: Да.

АК: То есть вот арестовали вот именно за то, что он в Бога верил, да?

АМ: Мне-то казалось, что не за то. Вони там ему давали показания, шо вин с заграницею переписывався.

АК: С заграницей переписывался?

АМ: Да. А це вже там одын охранник-то рассказав пид сикрэтом своей жинке, а жинка его то рассказала своей маме, а мама это рассказала своей, ну,

в одном доме жили... значит, соседке. А та соседка, та была родною мамою кумы, та и рассказала нашей маме. Шо це нашего отца там питают и заставляють, шоб цей чиловик сказал, шо да, правда с ним переписывався. А наш тата ничего не сказав. «Я ниче не знаю». Там его допрашивалы, а: «Я не знаю ниче». Та и за это дело нашего тату... (нрзб.) шо сбивают до смэрти, а тоды вже зливають водою, и снова начинают его мучать. Вот, а нашего тату за таке забрали.

А шо вы там хочете? *(спрашивает СН)*

СН: А вот я хочу посмотреть, что это за книги.

АМ: Це называется книга... А вона называется «Ксемишник».

АК: «Ксемишник»?

АМ: «Ксемишник». Так называется. И там в «Ксемишнике» все е, там на тыждэнь акахфисты. А в самом кинци, в самом, там е еще причащения.

СГ: А потом, як це все пришло...з ГПУ...з Винницы...прислали...

АМ: Это письмо мы получили.

СГ: ...шо ваш отец пострадал задаром.

АК: А, это из Винницы из ГПУ, да? Что задаром пострадал?

АМ: Да.

АК: Это в каком году-то уже пришло?

АМ: Я не помню.

АК: Ну после Сталина уже, да?

АМ: Да. Ну, да, наверное, после Сталина це вже письмо написалы?

СГ: Ну як же? После режима того, который был.

АМ: Цей... Наш тата... Цей... Через дорогу так сидит, знаете, через дорогу... и там мужчина иде... Цей, той мужчина там жил, и чи акахфисты написал, чи кафизмы начитал? – и разом же его в одну ночь арэстувалы, з моим татой. Той..., той чиловик ниче не выполнял це (?)... ну, так моливсе Богу, як все люды молятся. И разом попал (нрзб.), наверно, в Рай. И то (нрзб.) А вообще в то время в нашем силы взяли восимнадцать душ. Цих репрессировалы.

АК: А вот те, кто пострадал за веру, - они в Рай, да, идут?

АМ: Да. Воны мученикы называются.

АК: Да, мученики.

АМ: Так воны и навэрно... Може, вы чуялы, шо, як умирае чоловик, то вин проходит мытарства?

АК: Мытарства...

АМ: Чуялы?

АК: Да.

АМ: А ци люды мытарства нэ проходят.

АК: А, то есть они минуя... без мытарств... Ага.

АМ: А ци..., шо их тут мучат, то це им отменяется мытарства.

АК: А вот еще вроде говорят, что, если человек на Пасху Святую умер или вот, в Святую Седмицу после Пасхи, что он тоже в Рай идет? Говорили у вас?

АМ: Це так..., це так люды говорят. В Писании я таке не читала. А почему я..., знаете, чуяла, шо и на Пасху помирают и жидаы.

АК: Да???

АМ: А вони ж то некрещеные, як они могут в Рай попасть? Но там Бог с ними справляется. Це вже...

АК: Справляется, да?

АМ: Да, Господь з ними справляется. Вин знае, где кого.

АК: А куда они могут, если они ж некрещеные?

АМ: А там же е ад.

АК: Так они что, все в ад идут?

АМ: То як...? Вот тепереш..., вот теперешний народ – не знаю, кто з них спасается? Большой грех выполнять моду.

АК: Моду, да?

АМ: Моду. А вы же все выполняете. Ну, сейчас мода вот так одеваться, як вот ты... Еще и штаны, чи...то все. Це ж мода.

АК: Нет, не мода. Просто ну, ну вот, перехо..., переезжаем, с рюкзаком, так вот неудобно же ну, в брюках ходить...

АМ: А раньше де людям было удобно? Вот, твоя мама так, наверное, же не ходила?

АК: Ну...

АМ: И тоже было ей удобно, як она ходила. А теперь мода вси. Я помню: в пятидесятых годах я была в Актюбинск. Ну там, за Москвой, там я... ну, це в глубокой...

АК: Ага, я слышала, да.

АМ: Да. То там были киргизы, це вони одевают ци штаны и на (нрзб.) А мне там было так интересно, я не могла маме нарасказываться(?), я пришла. Причем, там не тильки штаны, а голы вси ходят. Я не знаю, шо у вас, чи там тоже так ходят?

АК: А, в таких вот юбочках коротких, да?

АМ: И такие. И тут штаны, а тут тильки лифчик. Рубашек у них нема, в рубашке тоже не ходят зараз.

СГ: А раньше это (нрзб.)

АК: Чего раньше?

СГ: Китайцы.

АК: Китайцы?

СГ: Да, таку моду взяли. Ходить в китайских...

АК: Ну, китайцы, да. Но они же далеко – китайцы-то. У нас, да... А вот вы говорите, что все жидаы, значит, вот в ад пойдут. А если, ведь есть же хорошие, вот, евреи?

АМ: Шо-шо?

АК: Вот есть же хорошие евреи? Добрые люди, честные? Они что – все равно в ад пойдут?

АМ: Так вони примают православную веру – тоди вони спасаются. Вот у нас тут, до нас ходила медсестра. Вона рассказывала, шо у ней, родна сестра ее уихала на работу, в Израиль. А там Израиль, там же Иерусалим

ведь. Та и вона йиздыла туды, то каже: там на Голгофи, де Господа розипнялы, очередь большая, туда вона на нэсколько суток, шоб на ту Голгофу подивитися, дэ Господа розипнялы, и поклонитесь вже тому мэсту. То там, каже, жиды стоят в очереди, и..., ну, в общем, плачут и каются... Все они теперь уже оны, може, вы ж читали Евангелию... И там е, написано, шо... Ска... Там, як им сказал? Шо це грих... Пилат сказал, шо цей грих был на...

Сторона А (2)

АК: Пилат. А кто был Пилат, да, да, да, он не был...

АМ: Вин был? Вин быв язычник, вин не был жид. Так он постарался его выпустыты, а вони тильки кричалы, шо роспни. А потом я читала таку книжку, може и вы читалы, шо после як, як Господа взяв на распня... распняtie, а, цей... як вин? Як то звался царь, тоди цей, звидки Пилат был *(спрашивает С.Г.)?*

СГ: Что-что?

АМ: Пилатовы царь як звался? Я уже забыла всё.

АК: Пилата? Имя-то Пилата?

СГ: Ирод. Ирод же звали.

(АМ не расслышала)

АК: А Ирод же, правильно. Ирод. Ирод.

АМ: Ирод? Ирод?

СГ: Да.

АМ: Не-е!

АК: Нет?

АМ: Це израильский царь был Ирод?

СГ: А кий царь?

АМ: А той, ну звидки Пилат бул, звидки Пилат бул?

СГ: В Израиле? А-а, как его?

АМ: Забыла всё, ну.

СГ: Щас, щас, щас... С Италии.

АК: Сезалий?

СГ: С Италии.

АК: С Италии, с Италии *(АК подсказывает АМ)*.

АМ: Цей вин был, ну там була така языческа вэра. И звидки был апостол Павел, те самы, колы Иисуса мучилы, а цей вихний...

(СГ поясняет, что они были итальянцы, римляне)

АК: Итальянцы? Римлянами, римлянами, да?

АМ: Як мучалы?

АК: Римлянами. Римляне.

АМ: Римляны булы, ну да его ж фамилия як була?

АК: Кесарь.

АМ: Як?

АК: Кесарь, кесарь.

АМ: Кесарь? Не так всё. Як я...

АК: Ну мы вспомним еще.

АМ: Цей вин заболит проказою. Така болезнь як у нас зараз рак, як у нас зараз рак нэ выличивается, а там была проказа, да. И цей царь заболит на цю проказу, а слуга у него... Ну, там так пишется, шо не можно поняты чё там... То и каже, шо в Ерусалиме е такой пророк, шо вин слово тильки скажет - исчеляются люди. Шоб до нёго пийти. А вин каже цей (нрзб.). И вона стала до нёго идти, покуда добралась до нёго, а вин вже на муках. Пришлы пытаются

еи. Пришла в Ерусалим, та й пытае людэй: «Дэ найти такого пророка?». А, пишет?

(Смеется, отвлекается, заметив, что за ней записывают.)

СН: Я записываю, чтобы запомнить.

АМ: «Дэ найти такого пророка?». А ей кажут: «Ци вже...». А там булы вси жиды, ну, вси... Израиль, в общем, они таки вси. Та и кажут. А Иуда, шо Его продал, тэпэрь побачив, шо Ёго мучат, Господа-то его, Учителя. И вже ему стало стра..., страшно. И вже ёго гонят его с города. А город був обнесе..., обнесены забором яким. Они кажут: «А вон вин валяится по земли». И кри..., кричит, шо убейте миня, замучьти миня, за тр...(нрзб.) Иисуса своо продал.

АК: А, Иуда-то?

АМ: Иуда, да. И вона пришла та и... А вин валяи.... А вона пришла та й питае ёго, шо делал. А вин каже: «Шо ты минэ питаешь, тоби шо, того мало, шо ты бачешь?». Шо вона бачит, шо вин валяи..., шо вин валяится. И пишла вона так и попала и пока до Нёго допиталася, а Ёго уже ведут на розп'ятие. Вин вже иде, и цей народ иде тьмою. Иде и несе хрэст. Соби на розп'ятие. И токи, она як побачила, шо Ёго вже ведут на розп'ятие, та й... А Вин всёй мокрый, и ў крови и ў поту. Та и у нэй було полотэнце, та й вона Его обтэрла. И в то время, это я все опить в книжке читала, шо Вин никого не найшов, никого нигдэ не встретив Господь, шоб Ёму посочувоваты. Една тильки вона сострадала Ёму, и обтэрла и сховала це полотенце, а сама упала в обморок. Вит так. И только ей забралы и привелы вит цего обморока, привелы вит цего все, то Его уже розыпнялы. Колы она вже опять пришла к сэбе, то и вина пишла вже до Пилата додому. Тэй каже, питае, чего вона. Вона каже: «Я шукаю, шукаю пророка, шоб царя... царя ихнего, шоб исцелить, не буде больный». А они вси (нрзб.), а Его уже нема, Вин вже на хрести умэр. Та и тоди уже це вин царь уже арестовал того Пилата, а цей Пилат каже, шо яки ты знаешь муки, придумаешь самы тяжки на мене и мучь мене за нёго, шо я..., шо вин такого чиловика убил. Ну ты вона, вона уже с тым пришла, но его уже нема.

(Отвелекается, берет на руки кошку)

Я вже не могу рассказывать. Вин так хочет на руки.

АК *(зовет кошку)*: Иди сюда. Ой, больно. Когти-то у тебя какие.

АМ: Та подкинь его.

СГ *(зовет кошку)*: Погони его. Давай иди сюда, чего хочешь?

АМ: Я не знаю чего.

АК: Так а вот платок-то этот, который она спрятала?

АМ: И вона пришла и росказывае ему про того пророка, шо его нету больше. «Як хочешь, - каже, - возьми полотенце. Це я его обтэрла, ты им оботрися, це, може, тебе поможет». Вин взяв це полотенце, раскладае, а на нем потрет вит него.

АК: А, ага.

АМ: Что с того Господа. И так называется цей портрет «Нерукотворэнный образ», шо его нэ рукамы нэ нарысовалы, а Господь обтэрся и из нёго образ и с терновому венци. Ну, с тернии которы...

АК: Да-да, это колючки.

АМ: Да. И це вин обтэрся цим полотэнцем и сразу встал, виздоровил. Та й скаже: «Шо ж це был за такой пророк, шо вин дався жидам в руки». Ну, миг-то им не датися, но вин затэм на зэмлю пришов, шоб за людей про... пострадаты, кровь проляты и шоб люды цим спаслыся. А це, Вы знаете, вот люды идут ў цэркву и приобшчаются, то там, Вы знаете, шо они получают его тело и кровь, то це..., це Вин так спасты людэй прийшов.

И писле того уже по тому прымэру скільки богато мученикив е, шо Вин им не помогал, вряд ли б они мученически принялы, мне кажется.

Це и так я вот где-то читала, шо вроде бы Пилат, Пилат святой.

АК: Пилат - святой?

АМ: Вроде бы. Шо вин, це его мучил и замучил за цего Христа, то видно было. Шо и так я вроде читала. Вот Соломон тоже нигде не знала был святой, а потом я его на иконе побачила, шо вин – святой, Соломон. Вот я бы могла Вам рассказывать, або (?) я забываю все.

АК: Так а почему ж Пилат-то святой, если он убил Христа?

АМ: А?

АК: Если Пилат убил Христа, то как же он святой-то может быть?

АМ: А той, замучил же цей его. Ну, як же, ну, цей в общем царь его. И вин попросил просто: «Замучь миня, як знаешь».

АК: А-а.

АМ: ...за то шо я... А вин-то, вин, если бы сообшыл тому царю про того Исуса, вин был бы расследовав це дило, и было бы (нрзб.). Но Вин для того пришел на зэмлю, шоб его замучилы, за нас, гришных. Шоб мы, шоб мы спаслыся, тильки шоб мы выполнялы, то шо вин заповедовал.

АК: Ой. А почему тогда на жидах вина какая-то?

АМ: Шо-шо?

АК: Почему тогда на жидах вина-то и на детях их, вот Вы говорите?

АМ: А вони сами ж проклялы. «Кровь его, - каже, - на нас и на цядях наших».

АК: А они сами.

АМ: Вони, вони сами их проклялы. Тэпэрь даже, це так, такие жиды, шо вони не признают цю вину, шо це неправильно зроблено. Алысь (алэ?) же, ну, це так, так дано вит Бога.

АК: Ну, а вот если ребенок еврейский, да? Маленький еще. Вот. Он же, наверное, еще ни в чем не виноват, он же еще не знает ничего, ну вот, пять лет ему.

АМ: А ро..., родители проклялы.

АК: Ну, «родители проклялы», ну дак, он-то сам не виноват. Вот в войну-то, вот рассказывали нам, убивали их, вот за что убивали-то?

АМ: Я не поняла.

АК: В войну-то, говорю, вот убивали и детей там еврейских?

АМ: А в войну, ну шо ж вони проклялы?

АК: И за это их Гитлер убивал, фашисты?

АМ: За шо?

АК: За то, что вот они прокляты, да?

АМ: Я не знаю за шо их убивалы, просто...

СГ: Кого убивалы?

АМ: Жиды. Немцы, война была.

[АК: Евреев.]

АМ: Це, эти немцы вот у нас брали их в тюрьму, и веде тут у нас е, таке сэло, е це у нас таке, Пэчэра.

АК: Пэчэра, да.

АМ: У ту Пэчэру, и их там казнили. Они там и старых и малых и всех. Ну це так, так дано це вит Бога. Це Бог так вже дал.

АК: А украинцы им не помогали во время войны? Не прятали во время войны, украинцы?

АМ: Шо не робилы?

АК: Украинцы-то не помогали жидам-то во время войны?

АМ: Як не помогалы! У нас ў Тульчини булы такие полицаи. Так е, ну, полицаи. У нас сейчас милиция, а воны булы полицаи. Та и воны тоже убывалы, це и жидив били и издевалысь над ними. О таки всякие были.

АК: А другие были вот, что помогали? Евреям-то помогали? Украинцы?

АМ: Шо их спасалы?

АК: Да.

АМ: Ну, конечно, булы. Вот у нас тут ў Тульчине был...

СГ (*вмешивается СГ; АК наговаривает его слова на диктофон сама*): Немцы были против евреев, убивали их, а украинцы из жалости, есь давали им, прикрывали их.

АМ: От тут Тульчини есь такий чоловік, шо одного жида даже пэрехововал.

АК: Перехововал?

АМ: Пэрехововал. И вин все время, всю войну у него переховався, и колы война вже кончилась, вин пийшов ў Тульчин, пийшов ў свою хату, додому пийшов. А цему чоловіку пришлось быти здэсь, ў Тульчини, и трэба ему дэсь переночуваты. Думае: «Дай я до того жида пойду, бо я же его спас вит смэрти».

Вин прийшов до того жида, стукається та стукається, дверь-то никто не видчиняет. А цей стукався, стукався, достукався, дверь видчинили. Та и каже до нэго: «(нрзб.), чи як вин там, ты шо забыл чи миня?». «Почему я тибя забыл? Я понаю (?), шо ты в городе по делам, но у меня негде спать!». А той каже: «То я тэбя всю войну сховал вит смэрти, а мини ты заночеваты трэба, мэста нема». О це жиды.

АК: Ну они что ж, все такие?

АМ: Ну не все, но большинство. Понимаешь шо, воны против мужики всигда...

АК: Да?

АМ: Воны нэ люблят мужики. И воны практически только из-за мужиков живут, а они все робят, все продают им, все дают им, воны за них живут. Ну, они такие безжалостные. О чем скажите, ну как же так взяты живого человека до креста прибить. Ну, ну, что это за совесть? Ну то что евреи отобрали, и забивали гвозди и в ноги, и прибиты до креста, и повешены его так.

АК: Так а это разве не итальянцы прибывали?

СГ: Итальянцы, да.

АК: Солдаты прибывали-то? Итальянские.

АМ: Ну, так пид...

СГ: Оно было в Израиле, а итальянские войска тогда были оккупировали. Шо, шо, это жида пошли до Пилата, а шо с ними можно сделать, потому что они оккупировали. И шо сами евреи не распинали, а Пилатовы войска.

АК: А Пилатовы войска, итальянские, да.

АМ: А воны ж кричали сколько там. Шо, Пилат вроде бы каже, шо я его выпущу, а воны кричат, шо распни. «Распни, распни его!». А вин же сказал, шо в общем же грех, дурно человека убить. А они нам и детям, грех нам и детям нашим.

И ты скажи, шо тут вин недавно, шо там в Евангелии написано, про овчья купель.

АК: Да, а...да, ов...овчья купель, да-да.

АМ: И, и...Мужчина, тридцать восемь рожив вин там лизав, вин у них по попасть туда в купель(?). А вин ему сказав, шо бери твою постель та иди до дому. И только дывись, чтоб ты хуже не зробило. Шоб, значит, Бог тебе хуже не наказал. А вин колы Господа мучили, а вин пришов и Господа ударил, цей исцеленный.

АК: Он разве? Он ударил его, да?

АМ: Ударил его по лице.

СГ: В лице, в лице ударил, да.

АК: В лице, да?

АМ: Уси воны его уби..., били, и вин его ударил. Так ты ж бы туда хоть бы не шов, шо же ты пришов. А ты же вспомини, шо вин тебе зробив, шо ты тридцать восемь рожив...

СГ: А еще у них такой был закон, шо правительство сказало – значит все. О, вот.

АМ: Шо Сталин сказал, то так уже все.

АК: Это как при Сталине было, да?

СГ: Да, да.

АМ: Шо Сталин сказал, то уже было все.

АК: Ну а ведь апостолы-то, вот Вы ж нам говорили вчера, апостолы-то тоже евреи были?

АМ: Ну-то там же были такие уже шо, Господь им дав, шо они уже верующие были. Вот. А апостолы были: апостол Пётр был первый.

(отвлекается, прогоняет кошку: «Муся, бежи на двир, бежи! Ну, иди до мене, иди. Муся, иди сюда!»)

Была у Пэтра апостола и ридна мама и, забула, як она, жи..., жи...

АК: Мачеха?

АМ: Жи..., жинкина мама...

АК: А, теща.

АМ: Да, теща. Да. Та й теща була дуже добра, а Пэтрова мама була скупа, нэ добра була. И так колы воны поумиралы... Да и это, его теща, була больна, Господь прийшов до нэй, а вона лежит больна, он подав ей руку, Господь, и поднял еи, она видраз стала здорова, и стала угошаты цих апостолов и Господа. А Пэтрова мама не була... И Пэтро в учениках, но вин был вспильчивый.

АК: М-м, вспильчивый, да.

АМ: Вспильчивый, такой вин: быстро вин, скоро сядэтэ, скоро уже тут проходытэ. А вони помэрли, и Пэтро в Раю сыдыт и все плачет.

АК: Петр в Раю плачет?

АМ: В Раю плачет. А Господь его пытается: «Ну че тоби нэ хватает?». А вин каже: «А як же мини нэ плакаты, як я в Раю, а моя мама в аду».

АК: М-м.

АМ: Господь посылае ангэла, шоб еи вытянув с цего ада. Цей ангэл пишол и литал, в цем Раю летае, летае, шукае цю Пэтрову тещу. И вот вин до нее пишол и каже: «Чипляйся за мэне» - вытянуты из ада. Вона вчиплялася, а за нее хто може чипляется, друг за друга.

СГ: И вси литят.

АМ: А ангел ниче не протестуе, а всих тянэт. А шоб вин был..., шоб вона була не крычала (а вона крычае, крычит, шо не чипляйся, вин за мною пришов). Ну и так...

СГ: Жестокая та... Жестокая такая она была. Я только спасуся...

АК: Жестокая?

СГ: Ага. Я только спасуся, а вы...

АК: Ага, я только спасусь типа, а вам не надо.

СГ: Да, я только спасусь. И через эту жестокость...

АМ: И вот вин так летел, и вона все время кричала, а ци люды постепенно выдрываются...

АК: А выдрывались, да?

АМ: Выдрывались.

АК: И падали, да?

АМ: И падают назад туды. И колы воны повыдрывалыся до послэдного, та и тоди и вона выдрывалась.

АК: А, ага. Это потому что она такая жестокая?

АМ: Шо вона бэзжалостна така. Тый же ангел прилитил, тильки у него крыла были ошмалены цим адским огнем.

АК: Ошмалены?

АМ: Да, цим адским огнем.

АК: Опалены, да вот, опалены?

АМ: Угу. Да. И Господь его питае, а цеи и каже Пэтру: «Ты видишь, яка твоя мама. Вона бэзжалостна, и вона нэдостойна тут быты». И тоди вин успокоивси.

АК: Угу. А она крещеная была, теща его?

АМ: То ж жиды булы, де ж вона була крещена?

АК: А-а, ну некоторые же жиды тоже крещеные.

АМ: Тоды еще ны булы. Вот люды стали хрэститься после крэщения, як Иоанн Крэститель крэстил Господа, и тоди уже люды стали крэститься. А тоды вже, тоды вже все булы люды, це булы и жиды. Та тоды вони не булы, це был Израиль. Це Израиль, и це був пэрвый народ на зэмли.

АК: Да?

АМ: Ну да, Адам и Ева булы первы, а цеи произошло уже вид них. И цеи Израиль еще был... Божия Матерь. Вона ж тоже була еврэйка. Так всих ж тэпэр кажут, что Исус бул жид. Ну то Вин был в такой вэре, а Вин же зробил православну вэру. На Тайной вечере Вин сказал учеников, шо уже така православна вэра.

АК: А вот жиды, они во что верят?

АМ: Шо?

АК: А во что жиды верят?

АМ: Вони вэрят в Господа Саваофа.

АК: Ага.

АМ: Троица – знаешь як, Троица?

АК: Да.

АМ: То це бул Отец, бул Сын, бул Дух Святый. То вони верят в цего Господа Саваофа, а Сын цеи Господа Саваофа...

СГ: Они ее не верят, потому што не знают, шо вин вродився.

АК: А, они не знают, что он родился тут.

СГ: Да, вин вродився. А, а Господь Саваоф це нэиз..., неизрэчэнное.

АМ: Неизрэчэнное...

АК: Вот это вот Бог-Отец, да? Саваоф?

СГ: Да.

АМ: Ну а цей же Бог-Сын, так вин же, наверное, був прэждэ, як мы чулы, но... уже так Господь дал, шо объявылы... Вот Вы же, наверно, тоже книжку таку читалы. Господь объявыл ангелам, шо уже будэты нэ мины поклонятся, а моему Сыну. А було там пэрше нэбо, навэрно, я уже не знаю. И там було часть ангелы, и бул над ними начальник, самый старший. Ему имя нэизвэстно. Ну а вообще-то его тэпэр называют Денница.

АК: Десни..., Денница?

АМ: Денница, як его уже нам называют. А вони ангэлы рады булы, шо вони будут Сыну поклонятся, а вин бул против: «А че-то я маю, якому Сыну поклонятся, як я сам як Бог?» Та и был против и объявыл всему своему нэбу, всим своим ангелам войну, против ангелов. И вони трое суток воевалы, и Господь их тоди всих вигнал от нэба. Ой, який, якую книжку тоже читала, як вони воювалы, ци ангэлы. Ну шо ж, це ж нэ люды воюют, шо и едын друга поранил чи убьют. А це ж духи! Та й Господь каже своему Сыну,

шо иди помогай, помогай уже цим уже отпавшим ангелам, шо..., шо..., шоб йих згнаты з нэба. Бо..., воны з неи не завоюют, воны, каже, тильки всю природу потрэвожат. А воны нэльзя, воны друг другу ничево не зробят, потому шо це духи. Воны, воны не поубивают не друг дру..., вот воны воювалы, воювалы, а ци ангелы, Божи ангелы, пишлы скильки взяли гору, взяли гору, зэмлицы гору взялы и нэсут и кыдают на ных. А ци побачилы, шо ангелы так робят, пишло и соби так, и бэрут цю гору на цих кыдают. Це таки, шо ничево нэма.

АК: Ага, ссора такая большая, да?

АМ: Це и вони... Ну, я читала это, все так интересно читать. Та й в общем воны воевалы, воевалы, и тоди Господь, Сын Божий, Иисус (Вин тоди не бул Иисусом, а просто Сын Божий, а Иисусом Его вже на зэмли назвали, коди вродився)...

АК: А вот у этих ангелов, вот у них национальность есть? Там есть русские вот, там, жида, украинцы?

АМ: Нэ... Там нэма, там една Божя вэра, една, та, шо им Господь дал. Нэма, ни...

АК: А вот Денница-то и те, те, кто с ним отпали – они не еврейские ангелы были?

АМ: Не..., там не булы еврээв, воны все булы божи. А в як, воны так стали против, и Господь им винуж..., уже дал Господь им свою колесницу. Всевишний, – так вони называлы Его. Всевишний. Дал им свою колесницу, вот разъезжал, и каже, шо иди помогай ангелам, бо вони, каже, не кончатся. В общем, порутають, порутають, поломят – и ниче добре не сделают. И Он, Вин сил на колесницу, який Вин йихал уже помогти цим ангелам, то тут же воны шум, думалы – це гром. Та й воны, воны поплэкалыся вси, и Вин, и Вин..., воны три дны лителы с нэба. Растворилось нэбо и, ну, в общем вся планэта, дэ воны булы ... И ци ангелы, шо литилы с нэба, оны вси полякалыся. Воны попадалы вси видразу в ад, и им стало страшно, против того, шо воны жили в Раю. А цей, самый старший им, каже: «Шо вы, - каже, - боитэся? Шо воно вас пэчет, ви ж, - каже, - духи». Ну в общем, там було дилов. А тоди вже як Господь создав Рай, то цей же ихний Денница скриз литал шукал, где цей Рай, шоб зробыты Господу зло. А уже человек на зэмли был, уже Адам Евою былы на зэмли. И воны литилы, литилы, а быв ангел едын, коло солнца дежурный.

АК: Кто?

АМ: Коло солнца дежурный, коло солнца, дежурный. И вин пишов до цего, притворився ангелом, цей Денница, и прийшов до цего ангела и... А цей ангел пытае: «Хто ты такой?». А вин каже: «Я ангел. Я слышал, шо Рай на зэмли е и шо там вже человек е, та и хочу Богу за то поклониться». Цей так его обманывае, а тои вид Солнца (нрзб.) около Рай, показал ему. А це звиты и молнию туды, в цей в Рай войти. А там же булы вси ангелы, уже дежурные коло цего Раю. И вин пришов до цего ангела, хоче в Рай войти, а ци ангелы его пизналы та й кажут: «На шо ж, чего тебе туды здесь?». А вин каже: «Хочу поблагодариты Всевышнего». Та и ци ангелы его туды не

пустылы, то вин в общем тоды полетив мухою, мухою зробився и политив, цей... , цей змий там Раю и жил и стал говорити. А там Ева була, та и вона отдельно вит Адама. Ну воны там пололы цвиты.

АК: М-м, пололы цветы, да?

АМ: Да. Пололы цвиты. А вин до Евы говорит, шо вот «возьми с цего запряшенного дэрэва, цей плод покушай и вси». «И ты будэш, - каже, - як Бог, як богиня все будэш знаты». А та ему повирила та и..., та и взяла з'ила с цего запряшенного... Вы чуюлы, шо в Раю було едно запряшенное дэрэво? И вона взяла з'ила тои плод и сразу стала пьяная.

АК: Пьяная стала?

АМ: Пьяная зробилась вит того. Та и пишла вилома..., виломала гиляку с цими плодами с цего дэрэва...

АК: Гиляку – то палка?

АМ: Пал...

СГ: Ветка.

АК: Ветка? Угу.

АМ: С цими плодами, с цего запряшенного дэрэва и идэ пьяна до того уже, до Адама. А тои каже: «Ты вже сотворила? Ты вже заблидила(?) ? А вона каже: «А минэ змий пидби..., пидбил на цей грих». А, а та и Адам... А им Бог сказал, шо як воны с цего дэрэва покушают, то поумырают. То и воны думалы, шо воны сразу поумырают. Та й вин взяв та й на... подумав, вин да посморився на цю Еву. Та и вин взяв и покушал цего. С цего дэрэва, цего яблука.

АК: А это яблоки были, да?

АМ: Ну таки плоды были, як их там называют.

АК: А как же с яблоч-то запьянешь?

АМ: Не понимаю.

АК: Разве с яблока можно запьянеть?

АМ: Принять?

АК: Запьянеть, да. Пьяным можно от яблока стать разве?

АМ: Ну, а це ж таке було дэрэво!

АК: А-а, такие специальные яблоки!

АМ: Ну, це специальное, ну... Господь все им разрешил, шо в Раю е, шоб воны все йилы, а шоб видного только с цего дэрэва не..., не трогалы.

АК: А зачем Он так сделал? Почему?

АМ: А шоб воны малы який-нибудь закон!

АК: А-а!

АМ: Ну шо, який-нибудь закон...

АК: Шоб воны малы який-нибудь закон...

АМ: ...який-нибудь закон... То Вин им такой закон дал, шо Вин все разрешил, тильки одного дэрэва не разрешил. А як було у них все питатыся... (пауза) Я нэ можу говориты. То и тоди уже як воны цей жили, Адам с Евою, та и пишлы в кушу, и Адам полиз на Еву. А то, до то воны нэ знали такого. У них было як..., як..., ну як ци наши котэнята.

АК: Угу.

АМ: Шо вони ниче не понымают. И так вони ниче не понималы и ниче не робилы. Та й тоды вони це уже согрэшили, и уже вони побачилы и уже им стало стыдно, вони голые были. А тоды вони уже як согрешилы, вони уже побачилы, шо вони голы. Уже вони, уже..., уже змий им разрэшил. И Господь их каждый дэнь ходил навэшчаты, и... а цей иде, а вони ховаются уже вит того, вони уже боятся, уже стыдаются, шо вони голы. И уже Господь идэ, а вони поховалысь. А Господь и каже: «Адам, где ты?». А вин каже: «Господи, я наг». А Вин каже: «А кто тоби сказал, шо ты наг? Чи нэ вкусыл ты уже дэрэва?» А вин каже: «А мэнэ Ева прэльстила». И тоды Еву, а Ева каже: «А мэнэ змий прэльстил». И так, да... скоро, чи другий дэнь чи ли зараз Господь позвал ангелы, шоб вигнати их обоих з Рая, шоб вони нэ успилы попробоваты еще з'исты дрэво жизни. Це було дрэво смэрти, а там еще було дрэво жизни. Шоб вони нэ вкусылы еще дрэво жизни, шоб вони таки гришны нэ жили бэсконэчно. Цей, а..., а..., архистратиг Михаил, який це зараз праздник ему ў понидилок. Це архистратиг Михаил.

АК: Архистратиг Михаил, да.

АМ: Да. Цей прийшов та йих... на иконке це е, вигнав из цего из Рая. Там вони идут це так, и цей Адам и тяжко плакал и проклинал цю Еву. А це Ева каже: «Ты знаешь шо: так ты убий миня, та и нэ будэ того гриха». А вин каже: «Нэ могу я тэбя убиты, шо вит жины народится Спаситель мира». Значить Божья Матерь народит Спасителя мира, вот. И так вони остальсы, и у них уже родилося два сына - Каин и Авель, и цей Каин сразу цего Авеля убив. Оны подраслы, Авель быв такий добродушный, а Каин быв такий... як Пэтро быв.

АК: Ага.

АМ: Цей..., обманул цего Каина. Оны принэслы жертву и вит Каина Господь приняв жертву, а вит...а..., а вит Авеля (*исправляется*), а вит Каина не приняв. Та и вин взяв та и того Авеля убил и закопал, там дэ побачил (?). Першее на свэте вин быв, шо другого убив.

АК: Ага, а, первое убийство, да такое было? Ага, першее убийство.

АМ: А Господь тоди каже до него: «Каин, де твий брат Авель?». А вин-то так грубо ему: «А я что ему сторож?»

АК: Угу.

АМ: И так... в общем, е такие дни, шо читается про них молитва. (нрзб.) я уже забыла...шо, в общем, Авель - святой, а Каин вже нет. В общем, тут и рассказываты и...як читаешь, а потом (нрзб.) трошки, а я уже нэ могу сама.

АК: А вот мы читали вот Вашу тетрадочку и у... Света, а у тебя вопрос был, ты помнишь про птичку-то?

АМ: А, «Юный отшельник»?

СН: Да, и про «Отшельника» тоже.

АМ: Як?

СН: Про «Отшельника» тоже был вопрос, да. А кто отшельник этот был, знаете?

СГ: Отшельник. (*поясняет*)

СН: Отшельник, юный отшельник там есть, да?

АМ: Жил юный отшельник. Ну, да...

СН: А знаете, кто он был? Как звали не знаете?

АМ: Нет.

СН: А про кого это, тоже не знаете?

АМ: Ну...про кого это пишется?

СН: Да.

АМ: Це просто так, я понимаю, шо це монахи булы. И вин читал, молодой отшельник, а воны ж вси живут по кельям. И вин в свой келье жил. И читал книжку. И прочитал, шо ци у Господа тысяча лет, як едын день.

СН: Угу, да.

АМ: И тут вот и...и вин так задумался: «Як же так може быты?». И тут птичка вливила у цей, у цю келью. И так птичка до цего уже была красива, шо вин не мог на цю наглядеться. И вин за цю птичкою вышел и так проходив за цю птичкою триста рокив.

АК: Триста лет?

АМ: Триста лет.

АК: Угу, угу.

АМ: А потом, уже колыся птичка, уже, то видно, Господь дал таки сроки, шоб вин поняв, шо як у Господа проходит тысяча лет, как едын дэнь. А у него триста лет прошлы як два часа, чи як одын час там пишется? Ну, и вин пришов от нее, и монастырь не той, и привратник не той, и все уже нэ то, уже ж триста лет прошло, а ему кажется, и вин так (нрзб.): «Я ж вышел отсюда не больше как час». И тоди его взяли в монастырь, началы шукати по книжкам и нашлы, шо...шо Антоний в день Пасхи пропал.

СН: Угу.

АМ: А це було на Пасху. Во. Там не пишется и..., хто вин такой быв. Це десь в книжке якись, може, пишется, а це псальма просто.

СН: Это псальма, да?

АМ: Ну да, це псальмы все.

СН: Там все псальмы?

АМ: Да то все псальмы.

СН: А-а.

АМ: *(начинает петь)* Жил юный отшельник..., я уже не помню.
(сбивается, берет тетрадь)

АК: А Вы спойте нам чтобы..., нам вот эта очень понравилась про отшельника.

АМ: Его спеть, его спеть я могу, вона длинна.

АК: Ну хотя бы немножко, хотя бы начало...

СН: Ну чуть-чуть, да...

АК: ...очень красивая песня, мы даже не слышали такой.

(СН в тетради ищет текст)

АМ: Тут е оглавление.

СН: Оглавление, да... А вот это вот тут в конце еще, «колядки» называется...

АМ: А это на Рожде..., рождественски псалмы, на Рождество. Вот здесь... *(подсказывает СН, где в тетради текст)*

СН: Сейчас найдем.

АК: А Вы говорите «Рождественские псалмы», да? Так называлось «рождественские псалмы»?

АМ: А у нас их так по народному называют «колядки».

АК: А, а вот «рождественская песня» - можно сказать? Или «псалма» обязательно?

АМ: А че нэ можно сказать? Рождественская песня.

СН: Вот она.

АМ: *(поет по тетради)*

Жил юный отшельник,

Он в келье молясь,

Священную книгу читал углубясь (и туды вин вглубь бив, вот это два раза повторяется, а я буду по разу)...

СГ: Два раза надо.

АМ: У той книге... «Прочтел», а тут «прочел» надо. Ну, тут ошибок..

У той книге прочел он,

Шо тысяча лет,

Как дэнь пэред Богом

Мелькнет и пройдет

(я буду по разу).

Монах впал в сомненья,

Стал думать о том,

Как тысячу лет

Сравнить с одним днем.

(Вин задумался)

Не верит, в священную книгу глядит,

Но видит, што в келью вдруг птичка летит

(тут нэма слова?)

Но видит, что ... птичка вдруг в келью летит...

Тут вообще... Ошибки...

СН: А тут, тут не дописано.

АМ: Вся блещет, сияет и прелесть для глаз,

Как яхонты, как яхонты перья, а пух как алмаз.

(Алмаз – це шо есть такэ дорогэ).

Когда же вдруг крылья она распорхнет,

То радостны..., то радуги светит, то золотом сверкнет.

(Тут ошибки, тут).

Прекрасная птичка в полете легка,

Быстрее и легче весны ветерка.

(Така птичка быстрая). *(прерывается, устает)*

СН: А вот скажите, а вот...

АК: Громче, громче...

СН: А Вы переписывали это откуда-то, да?

АМ: А? Не поняла?
СН: Вы переписывали это откуда-то или как?
АМ: То вин переписывал.
СН: Он переписывал?
АМ: Ну, да.
СН: А откуда?
АМ: Ну, дэсь такую же побачил, як це, та и взял та и соби переписал.
СН: Такая же тетрадка, да? А из разных обычно переписывают или из одной?
СГ: Не, с одной. Переписывают с одной.
СН: Из одной? Ага.
АК: То есть Вы скопировали, да? Полностью скопировали такую же.
СГ: Да, да, да.
АК: А сколько Вам тогда лет было, когда Вы скопировали?
АМ: Ну вин ишо молодой был.
СГ: Это я..., сколько мне было? Это я, наверное, еще я тогда, еще я тогда... примерно после армии.
АК: После армии?
СГ: Да.
АК: Это ко..., когда Вы?
СГ: Э..., это було... тридцать седьмом году.
АК: В тридцать седьмом, да?
АМ: Не, Степа, в тридцать седьмом ты уже нэ писал. В тридцать седьмом уже була така разруха, уже пишло (нрзб.), ты уже тогда нэ писал. Це приблизительно так, ну як после армии, яки це годы булы ему?
СГ: Мне лет...
АК: Ну, лет двадцать было. Наверное, после армии-то.
АМ: Не, наверное, двадцать едын чи двадцать два.
АК: Двадцать два... Ну, то есть вот самое до войны вот где-то вот там. Там тридцать девятый, сороковый год, может быть, вот так... А у кого переписывал-то, чья была вот первая самая тетрадочка?
АМ: А хто их запомнит?
АК: А-а.
АМ: Вот тако вот взяв побачил, та и пэрэписывал. Вы дэ... дэ помните, де Вы пэрэписавалы?
АК: Иногда помню. Ну, у соседей, да? В деревне у кого-то взял, да?
АМ: А?
АК: В деревне просто у кого-то взял?
АМ: Да й де у другого, чи у другой дэрэвне было. Вот Вы пришли в Тульчини, Вы бачилы такую, но Ви такой книжки еще нэ встрэчалы? Ну так и ми, де пишлы, де попалося. Вот у мэнэ есть там, наверное, в хате, ишо два таких е, сборник называется.
СН: Такие же, переписанные?
АМ: Нет.
СН: Нет?

АМ: Нет, настоящие. Но и мэнэ такие настоящие там. Е такие у нас тут, а е такие тут нэма их, а там богато Ивану Кронштадтскому. Е таки, шо мы их нэ знаем, яких стихи.

СН: Угу.

АМ: В общем, це так. Де пришлы побачили понравилось... та и пэрэписалы

СН: А вот тут очень много про Ивана Кронштадтского?

АМ: Это немного.

СН: Немного еще?

АМ: Это немного. А у мэнэ там е очень много, таки настояшчи печатованны, нэ вид руки.

СН: Понятно. А вот, а в самом конце тем есть отдельно, давайте посмотрим? Вот это. *(в конце тетради – «Плач Адама»)*

АМ: А это уже...

СН: В самом конце есть... А вот это вот как называется?

АМ: Тоже псальма.

СН: Тоже псальма?

АМ: Не, це стихира.

СН: Стихира?

АМ: Седе Адам *(поет)*

Це поется пэрвого дня в пост.

АК: Пост? Великий пост?

АМ: А?

АК: Великий пост?

АМ: Вэликий.

(продолжает петь)

...против Рая. Седе Адам против Рая

И свою наготу рыдае, плакаше.

Увы мне, увы мне,

Раю, мой Раю, прекрасный мой Раю

(тут написано раз, а повторяется два-три раза)

Прелестию лукавою увешчану

Бывшу и окрадену

И славы удалену.

Увы мне, мой Раю.

Простотою ныне нагу,

Недоумэнну, но о, раю мой,

И тому твоя сладости

Не наслаждуся, к тому не узру.

Господа и Бога моего и Создателя.

В землю бо пойду от нея...